

А. А. Орлов

**СПРАВЕДЛИВОЕ МИРОВОЕ УСТРОЙСТВО
В ТРАКТАТЕ ДЖЕРЕМИ БЕНТАМА
«ПЛАН ВСЕОБЩЕГО И ВЕЧНОГО МИРА» (1786–1789 гг.)**

Орлов Александр Анатольевич, профессор кафедры зарубежной истории Московского государственного гуманитарного университета им. М. А. Шолохова (109240, Россия, Москва, ул. Верхняя Радищевская, д.16-18), доктор исторических наук, профессор.

Orlov Alexander, professor of the Department of Foreign History of Sholokhov Moscow State University for the Humanities (109240, Russia, Moscow, Verhnyaya Radishchevskaya St.,16-18), Dr. of History, professor.

Телефон/Phone: +7 (926) 355-69-76. Электронная почта/E-mail: arkigolkin@yandex.ru

В статье проанализирован трактат знаменитого английского философа и юриста Джереми (Иеремии) Бентама «План всеобщего и вечного мира» (1786–1789 гг.). Хотя он был написан перед началом Французской революции, символизовавшей наступление общего кризиса «Старого порядка» в Европе, его автор предлагал совершенно другие (не революционные) варианты разрешения назревших проблем. Идеи Бентама не были востребованы у него на родине при его жизни. Но учение английского философа получило большую популярность в России в начале XIX в. в период либеральных реформ Александра I. Император и члены «Негласного комитета» заинтересовались идеями Бентама по коренному реформированию законодательства и по подготовке необходимого для этого общественного мнения с помощью прессы.

Ключевые слова: Джереми (Иеремия) Бентам, пацифизм, проект «вечного мира», российский император Александр I, либеральные реформы

**EQUITABLE WORLD ORDER IN THE TREATISE OF JEREMY
BENTHAM “PLAN OF UNIVERSAL AND ETERNAL PEACE”
(1786–1789)**

The article analyzes the treatise of the famous English philosopher and jurist Jeremy Bentham’s «Plan of universal and eternal peace» (1786–1789). Although it was written before the French Revolution, a beacon of the general crisis of the «old order» in Europe, the author proposed a completely different (not revolutionary) options to solve urgent problems. Bentham’s ideas have not been claimed in his homeland during his lifetime. But the teaching of the English philosopher has gained much popularity in Russia at the beginning of the XIX century, during the liberal reforms of Alexander I. Emperor and members of the «Unofficial Committee» interested in ideas Bentham to radically reform legislation and the preparation required for this public opinion through the press.

Keywords: Jeremy Bentham, pacifism, project «eternal peace», Russian Emperor Alexander I, liberal reforms.

Проекты «вечного мира» появлялись, видимо, во все известные нам исторические периоды, но в памяти человечества сохранились только те из них, которые хоть в какой-то степени отвечали на насущные вопросы эпохи. События заставляли всех участников международного общения (политиков, военных, священнослужителей, богословов, учёных, торговцев и пр.) задуматься над устройством мирового порядка, обеспечивающего мирное сосуществование различных народов и государств. Авторы проектов «вечного мира», как правило, стремились выработать некие универсальные принципы осуществления «вековой мечты человечества» и найти силы, способные реализовать их идеи. При этом, конечно, они оперировали понятиями, актуальными для собственного времени; одно понятие сменялось другим, некоторые исчезали вовсе.

Тем не менее, все значимые проекты «вечного мира» оставались в исторической памяти. Современный отечественный исследователь Н. Ю. Васильева утверждает: «...каждая новая историческая эпоха вкладывала своё собственное содержание в европейскую "оболочку", отличное от всего того, что писали и говорили о Старом Свете представители более раннего времени. Так, например, античное понимание Европы имело мало общего с трактовкой данного понятия, существовавшей в период Средневековья. При этом средневековая интерпретация "жизненного пространства" европейцев была практически полностью пересмотрена с наступлением эпохи Нового времени»⁴¹³.

В целом принимая эти утверждения, всё же в качестве ремарки приведу и другие мнения. По словам выдающегося немецкого философа, писателя, поэта, историка и литературного критика И. Г. фон Гердера (1744–1803), «...формально вечный мир будет заключён лишь в день Страшного суда, тем не менее, ни один принцип, ни одна капля еля, подготовлявшие его даже в самые отдалённые времена, не пропадут даром»⁴¹⁴.

Н. А. Бердяев в своей работе «Смысл истории» (1923 г.) писал: «Если верить, что прогресс есть приближение к абсолютной Божественной жизни, то было бы неправильно отсюда делать вывод, что те поколения, которые явятся на вершине истории, будут находиться в особенной близости к Абсолютному, все же остальные поколения или очень далеки от этого источника Божественной жизни или не имеют с ним никакой связи и приобщаются к Божественной жизни, служа лишь средством для какого-то последнего поколения истории. Правильнее

---

⁴¹³ Васильева 2008: 167.

⁴¹⁴ Гердер 2003: 258.

было бы думать, как думает Л. Ранке (знаменитый немецкий историк Л. фон Ранке [1795–1886]. – А. О.), что все человеческие поколения на протяжении всего исторического процесса имеют сами по себе отношение к Абсолютному, все они приближаются к Божеству, – в этом есть Божественная справедливость и божественная правда. Какое было бы нарушение справедливости, если бы только те поколения, которые находятся на вершине прогресса, были допущены к тайнам Божественной жизни! Именно такого рода учение о прогрессе может заставить усумниться (так в тексте. – А. О.) в самом существовании Божественного Промысла, потому что Божество, которое лишило бы своей близости все человеческие поколения и которое допустило бы к своей близости лишь поколение, стоящее на вершине истории, было бы Божеством вампирическим, в нём была бы неправда и насилие по отношению к большей части человечества. <...> В действительности, ничего подобного нет; в действительности, каждое поколение имеет цель в самом себе, несёт оправдание и смысл в своей собственной жизни, в творимых им ценностях и собственных духовных подъёмах, приближающих его к Божественной жизни, а не в том, что оно является средством и орудием для поколений последующих. И разве люди XIX века не дальше от Бога, чем люди прежних веков?»⁴¹⁵

Наконец, можно вспомнить афоризм Уинстона Черчилля: «Будущее неведомо. Вселять в нас надежду должно прошлое» (1958 г.)⁴¹⁶.

Перед самым началом Французской революции 1789 г., символизировавшей наступление общего кризиса «Старого порядка» в Европе, на английской почве появился проект «вечного мира», предлагавший совершенно другие (не революционные) варианты разрешения назревших проблем. Автором трактата «План всеобщего и вечного мира» (1786–1789 гг., 1-я публ. – 1843 г.)⁴¹⁷ был знаменитый английский философ и юрист Джереми (Иеремия) Бентам (1748–1832).

Бентам прославился тем, что уже в ранней молодости жадно поглощал знания и начал трудиться над разработкой собственного мировоззрения. Кроме трудов выдающихся западноевропейских мыслителей, он изучал и некоторые русские источники. В Лондоне двадцатилетний Бентам познакомился с братьями М. И. и И. И. Татищевыми, служившими в русском посольстве. Михаил Татищев был автором брошюры о созыве в Москве в 1767 г. «Уложенной комиссии» и перевода на английский язык «Наказа» Екатерины II депутатам комиссии. «Через много лет, оглядываясь на этот период, Бентам припомнил, как начал читать труды [К. А.] Гельвеция, и они, вместе с переводами

---

⁴¹⁵ Бердяев 1990: 150-151.

⁴¹⁶ Черчилль 2011: 110.

⁴¹⁷ Бентам 2003: 173-204 (далее сноски на этот трактат даются в тексте в круглых скобках); Bentham [1843]: 546-560.

сочинения [Ч.] Беккариа "О преступлениях и наказаниях" и "Наказа" Екатерины, "стали для меня свежими побуждениями и зажгли новые маяки"». Бентам «...очень интересовался проектами Екатерины и много расспрашивал Михаила и его брата, приехавшего в Лондон в 1769 г., о России», - пишет современный английский историк и культуролог Э. Г. Кросс⁴¹⁸.

В 1786 г. Бентам уехал в Россию и жил почти два года в поместье Задобры, принадлежащем знаменитому соратнику Екатерины II светл. кн. Г. А. Потёмкину-Таврическому. Поместье располагалось недалеко от г. Кричева Могилёвской губернии и находилось под управлением младшего брата Джереми – инженера-механика и кораблестроителя Сэмюэла Бентама⁴¹⁹. Именно здесь Джереми начал писать, одновременно с другими произведениями (такими, например, как «Защита ростовщичества» (Defence of Usury, 1787 г.), свой «План всеобщего и вечного мира». Работа потребовала от него предельного внимания и самоуглубления. Он жил затворником и почти совершенно не интересовался тем, что происходило в стране. Бентам даже не поехал в Кричев, когда город, проездом в Крым, в январе 1787 г. посетила Екатерина II, хотя нежелание увидеть императрицу можно объяснить врождённой робостью кабинетного учёного, помешавшей ему в Париже встретиться с главой группы энциклопедистов Жаном Д'Аламбером. Зато «с[о] своими английскими друзьями он переписывался постоянно; внутренние дела и события в Англии привлекали всё его внимание»⁴²⁰. Тем не менее, весьма вероятно, что Сэмюэл, гораздо более внимательно относившийся к окружавшей его обстановке и заведший себе среди русских многих друзей, в какой-то степени информировал брата о реальном положении дел. Позднее (в мае 1814 г.) Джереми признавался в письме к императору Александру I: «Об особенностях России я имею некоторое понятие. Два года из тех лет моей жизни, которые были наиболее богаты наблюдениями, были проведены в пределах России»⁴²¹.

Мы вправе сомневаться в том, что Бентам хорошо узнал особенности России. Действительно, живя в поместье Потёмкина, он думал исключительно об Англии, причём не о реальной стране, а о воображаемом государстве своей мечты. Это дало повод большинству историков оценить проект «вечного мира» Бентама как выдающийся по утопичности. Зачем же тогда его рассматривать? Что он может дать исследователю, изучающему историю Европы конца XVIII – начала XIX вв.? В данной статье мне хотелось выяснить, какую альтернативу

---

⁴¹⁸ Кросс 1996: 45-46.

⁴¹⁹ Montefiore 2003: 38-45.

⁴²⁰ Пыпин 1869а: 799, 802.

⁴²¹ Пыпин 1869b: 745.

революционному развитию общества, выдвинутому Французской революцией, мог предложить английский философ? Почему его предложения не реализовались на практике, и что из предложенного всё же было реализовано (полностью или частично) в дальнейшем? Наконец, почему идеи Бентама, длительное время невостребованные на его родине, получили популярность в России начала XIX в.?

В своём трактате Бентам предлагал, прежде всего, урегулировать длительный англо-французский конфликт, не позволяющий установить прочный мир в Европе. По его мысли, Британия и Франция должны были выступить инициаторами создания Европейского сообщества. Для этого им следовало добровольно отказаться от всех своих колоний, неравноправных договоров, дающих им какие-либо преимущества в политике и экономике, и от излишних морских сил, превышающих необходимость борьбы с пиратами. Понимая, что эпоха ещё «не доросла» до того, чтобы принять его предложения (с. 174), он призывал начать с сокращения и сохранения на определённом уровне вооружённых сил государств, которые войдут в планируемое сообщество, а также с предоставления независимости всем странам, находящимся в подчинённом положении по отношению к той или иной державе (с. 173).

С его точки зрения, приобретение новых территорий и торговых привилегий не способствует обогащению завоевателя, поскольку населению метрополии во время войны приходится платить новые налоги, а эти средства будут оторваны от национальной экономики (сельского хозяйства, промышленности и торговли). «...Любая колония, которую вы сами основали, не говоря уже о завоевании, которое вы осуществили, не покроют расходов на них» (с. 186). «Если за приобретение нового права вы ничего не потратили, вы всё равно не станете богаче даже на полпенса, но если вы платите за него войной или приготовлениями к ней, вы обеднеете ровно настолько, сколько за всё это заплатите», – пишет Бентам (с. 199).

Экономические воззрения Бентама представляют собой странное смешение физиократии и меркантилизма. С одной стороны, в духе учения создателя школы физиократии Франсуа Кенэ (1694–1774) он провозглашает панегирики сельскому хозяйству (с. 176, 181-182), с другой стороны, постоянно подчёркивает необходимость сохранения активного денежного баланса, т.е. платёжеспособности страны (с. 175, 176-177). «Вместе с правом на самоуправление добрый английский народ завоевал себе и удивительное право на торговлю. <...> Но текут годы и, к его бесконечному удивлению, продвижение к богатству не ускоряется. Недостаёт ещё одной счастливой детали, о которой он никогда не думал: вот если бы в тот день, когда он сбросил кандалы, какой-нибудь добрый гений сунул в карман каждому по несколько тысяч

фунтов! Ничто не мешает мне полететь на Луну. И всё-таки мне до неё не добраться. Почему? Да потому, что у меня нет крыльев. Капитал [нужен] для торговли, как крылья для полёта», – утверждает он (с. 199).

Когда были написаны эти строки, прошло уже более 30-ти лет с момента первой публикации политэкономических эссе (сборник «Политические рассуждения» [Political Discourses], 1752 г.) шотландского философа Дэвида Юма – друга и наставника знаменитого политэкономиста Адама Смита, в т.ч. эссе «О деньгах» и «О проценте». В последнем из них приводится тот же самый пример с деньгами, чудом оказавшимися в кармане каждого англичанина и в одночасье удвоившими количество всей валюты страны. «Между тем ни на другой день, ни в последующие дни число заимодавцев не увеличится и такса процентов не изменится; и если бы государство состояло только из землевладельцев и крестьян, то эти деньги, как бы много их ни было, никогда не смогли бы скопиться в крупные суммы и единственным последствием перемены было бы увеличение цен всех товаров. Расточительный землевладелец истратит свои деньги так же скоро, как получил их, а жалкий крестьянин не имеет ни возможности, ни желания, ни честолюбия приобрести что-нибудь сверх того, что необходимо для поддержки его существования⁴²². Так как, следовательно, число нуждающихся в займе будет на столько же превышать число заимодавцев, как и прежде, то такса процентов несколько не уменьшится. Это уменьшение подчиняется другому закону и обуславливается развитием трудолюбия и бережливости, искусств и торговли»⁴²³. Юм, в отличие от Бентама, называл деньги техническим орудием, облегчающим ход экономики. Для него они – «...масло, благодаря которому движение колёс [торговли] становится более плавным и свободным»⁴²⁴. Смит оценивал роль денег примерно так же, именуя их «колесом обращения». Так что политэкономические взгляды Бентама уже в конце XVIII в. выглядели устаревшими, но, несмотря на это, он до самого конца жизни не внёс в них никаких изменений.

Бентам никогда не обращал внимания на критику и готов был до конца отстаивать свои идеи. Он был уверен, что рано или поздно они привлекут внимание читающей публики и политической элиты Англии. Его не пугало даже то, что это может случиться после его смерти.

Взгляды Бентама на создание международной организации также не претерпели существенной эволюции. В его письмах периода

---

⁴²² У Бентама читаем: «Фермеры могут прожить и без лент, кисей и тонкого батиста, тогда как изготовители всего названного не проживут без продуктов сельского хозяйства; необходимое для существования никогда не утратит своей ценности. Те, кто его производит, сами создают рынок для своей продукции» (с. 181).

⁴²³ Юм 1996b: 100-101.

⁴²⁴ Юм 1996a: 82.

1827–1830 гг. прослеживается идея создания кодекса международного права, выработанного европейским конгрессом. Он сам предлагал кодекс из 8 статей, в которых «...заявляется о полном равенстве государств, о праве их на полную автономию, на форму правления, на свободу совести и религии, и об обязанности уважения таковых у других государств. <...> К этой мысли о кодификации международного права Бентам присоединял мысль о передаче судебных функций международному конгрессу, причём этот конгресс являлся бы судом второй инстанции, разбирательство же международных дел в первой инстанции поручалось бы единому судье, избираемому конгрессом и наделённому судебными функциями, за исключением принудительной власти. Стоя на чисто конфедеративной точке зрения, Бентам не решался наделить повелительной (т. е. исполнительной. – А. О.) властью и конгресс. *Здесь ещё более, чем в своём раннем проекте, он возлагал надежды на силу общественного мнения* (курсив мой. – А. О.)», – писал дореволюционный русский юрист и философ А. С. Яценко (1877–1934)⁴²⁵.

В «Плане всеобщего и вечного мира», говоря о европейском союзе, Бентам, на первый взгляд, не предлагал ничего принципиально нового по сравнению с предыдущими подобными проектами. В его сочинении мы найдём и общий конгресс государств, и единый суд, налагающий санкции на агрессоров, и контингент войск, необходимый для проведения в жизнь решений суда. Более того, просвещённый английский автор отступал даже на шаг назад по сравнению со своими предшественниками, не желая привлекать к делу мира бóльшую часть народа, которая, по его словам, «наиболее увлекаема предрассудками» (с. 189), несведуща и не склонна к размышлениям (с. 195). «Основная цель нашего плана – сократить, причём сократить довольно существенно, бремя народного участия в этом деле». «...Основная масса народа... узнает об этом мероприятии только тогда, когда почувствует облегчение, которое оно ему принесёт» (с. 189).

Философ убеждён: одной из главных вех на пути к миру должно стать нравственное улучшение людей. Англичанам предстоит начать с себя, так как «они – великие грешники». Они добились права считаться самым сильным народом в мире, а сила, по его мнению, – основная причина несправедливости. «Если бы мерой нравственной оценки стало совершенство, такие установки были бы далеки от популярности, осмотрительность заставляла бы молчать о них и умерять как можно сильнее» (с. 187).

Насилие и несправедливость следует навсегда устранить из внутренней и внешней политики государств-участников будущего союза. Сделать это может только гласное и открытое обсуждение важ-

---

⁴²⁵ Яценко 1908: 333-334.

нейших проблем, утверждал Бентам. В современной ему Англии он видел мощное орудие влияния на умы людей – прессу. И хотя деятельность английских журналистов не вызвала у автора восторга (с. 195-196), сила воздействия печатного слова казалась ему более значительной, чем принуждение со стороны власти. «Несмотря на то, что мнение газет далеко не целиком отражает мнение народа, наставление, которое они дают по этим вопросам (по конкретным вопросам жизни страны. – А. О.) оказывается единственным, которое народ воспринимает» (с. 196). Газеты формируют общественное мнение и разносят его во все уголки Европы. Вместо того чтобы заставлять агрессоров подчиняться грубой силе, лучше воздействовать на них с целью разрешения свободы печати, причём такой, при которой парламент миролюбивого государства может публиковать в газетах государства воинственного свои постановления, обеспечив им, таким образом, «...самое широкое и беспрепятственное хождение» (с. 192).

В связи с этим, Бентам выступал резко против секретности в деятельности государственных органов, особенно Министерства иностранных дел. Секретность приводит к тому, что газеты перестают выполнять роль общественного информатора, а министры начинают рядиться в тогу мелкого тщеславия, раздают важные посты неучам и глупцам, заражаются коррупцией, начинают смотреть свысока даже на своих хозяев. «...Разве это имеет какое-либо значение для вас как народа, у которого нет интриг, требующих осуществления, нет мелочных затей, к которым надо стремиться?» (с. 201-202).

Мысль о том, что пресса должна стать главным и широко доступным рупором европейского пацифизма является важным вкладом Бентама в дело борьбы за создание объединённой и мирной Европы. Она посмертно прославила его имя. Эта мысль актуальна и сегодня, хотя на смену печатной прессе (газетам и журналам) в XX – начале XXI вв. пришли электронные средства массовой информации (телевидение и интернет).

Как уже говорилось выше, идеи Бентама не были востребованы у него на родине при жизни учёного. Одно из его главных произведений – книга «Деонтология, или наука о морали»⁴²⁶, в которой он обосновал и развил принцип полезности (утилитаризма), способствующий достижению нравственного идеала («наибольшего счастья для наибольшего количества людей») – была опубликована через два года после его смерти (в 1834 г.). Трактат «План всеобщего и вечного мира» впервые опубликовали только в 1843 г.

Но учение английского философа получило большую популярность в России в начале XIX в., в первый период либеральных реформ Александра I. Император и члены кружка его молодых друзей, соста-

---

⁴²⁶ Bentham 1834.

вивших влиятельный «Негласный комитет», заинтересовались идеями Бентама по коренному реформированию законодательства и по подготовке необходимого для этого общественного мнения с помощью прессы. Недаром русский историк А. Н. Пыпин (1833–1904), опубликовавший в 1869 г. в журнале «Вестник Европы» большую статью о влиянии Бентама на Россию, удивлялся смелости издателей официального органа Министерства внутренних дел⁴²⁷ – «Санктпетербургского журнала»: одного из «...первых опытов той публичности, о которой заботились новые администраторы», – пишет он. «В числе переводимых писателей, читатель видит здесь, напр[имер], те имена, которые в наше время попали в чьи-то недавние, нелишённые даже некоторой учёности, "обличения материалистического нигилизма" – так далеко современные учёные отстали от образованных людей министерства внутренних дел 1804 года»⁴²⁸.

Доктринёрство и идеализм Бентама, видимо, стали главной причиной отказа российских властей (как и ранее – британских) от личного сотрудничества с ним, хотя такие планы у Александра I и у его ближайших помощников, например, у М. М. Сперанского, были. В то время россиян особенно привлекало стремление Бентама выработать новое справедливое законодательство, отказавшись от устаревших принципов римской юстиции и от рутины местного (в его случае – английского) обычного права. Именно об этом Сперанский с позиции государственного человека писал (10 октября 1804 г.) находившемуся в Петербурге в 1802–1804 гг. ближайшему другу, популяризатору идей и переводчику книг Бентама на французский язык П. Э. Л. Дюмону (1759–1829)⁴²⁹. «Адам Смит доставил нам неоценённые материалы. Но так как он больше занимался тем, чтобы доказать и вывести из опыта выставленные им истины, он не подумал сделать из них *corps de doctrine* (целое учение). Чем ближе мы его рассматриваем, тем яснее становится недостаток метода; но те, которые взялись пополнить этот

---

⁴²⁷ Министерство в это время возглавляли член «Негласного комитета» гр. В. П. Кочубей (1768–1834) и его заместитель (товарищ) М. М. Сперанский (1772–1839).

⁴²⁸ Пыпин 1869а: 812, 813.

⁴²⁹ Дюмон привёз в Петербург часть тиража своей книги «Рассуждение о гражданском и уголовном законодательстве» (*Traité de Législation Civile et Pénale*. Paris. An X [1802] T. 1–3.), составленной из его переводов произведений Бентама. Издание имело в России огромный успех, удививший Дюмона. В июне 1803 г. он писал английскому юристу сэру С. Ромильи (тот передавал письма Бентаму): «Можете ли вы поверить, чтоб в Петербурге было продано моего *Бентама* (курсив в тексте. – А. О.) столько же экземпляров, сколько в Лондоне?

Сто экземпляров были проданы в очень короткое время, и книгопродавцы просят нового запаса. Это доставило мне благосклонность многих лиц, которую я употребляю в пользу. Книге удивляются, а издатель скромно принимает свою долю в этом удивлении. Но что удивило меня больше всего, это – впечатление, какое произвели определения, классификации и метод, и отсутствие тех декламаций, которые были так скучны для людей с серьёзным умом». – Цит. по: Там же: 805.

недостаток, полагали, что достигнут цели – опуская некоторые подробности, сокращая некоторые отступления и давая другое распределение материалу: таким образом, между столькими рабочими недостаёт архитектора. Я думаю, что, следуя плану г. Бентама, Политическая Экономия займёт гораздо более естественное положение, будет легче для изучения и будет более научной»⁴³⁰.

Желания просвещённой части русского общества выразил в письме к Сэмюэлу Бентаму (от 5 февраля 1804 г.) генерал-майор Н. А. Саблуков, покинувший Россию вскоре после убийства в 1801 г. императора Павла I и живший с этого времени в Англии. «России нужны законы. Не только Александр Первый желает дать ей кодекс, Россия сама его требует. Мы, русские, видели развитие французской революции – деспотизм, к которому она привела и от которого недавно избавились; но мы должны иметь кодекс – кодекс, который бы сохранил правительству необходимую силу для справедливого управления этой обширной страной, составленной из различных наций, – всё завоёванных, – но который бы вместе с тем и парализовал эту силу, когда бы она употреблялась на несправедливость. Пусть Иеремия Бентам приготовит этот кодекс!»⁴³¹. По словам Пыпина, «...для многих мыслящих людей, желавших общественного добра, идеи Бентама в первый раз давали твёрдую точку опоры и логическое доказательство, которым мог подкрепить себя новый образ мыслей. Когда император дал повеление об издании сочинений Бентама на русском языке, это дало идеям Бентама новую санкцию; и сам император, вероятно, разделял до известной степени уважение к этому авторитету»⁴³².

Отрывки из сочинений Бентама (в русском переводе) уже в 1804 г. появились на страницах «Санктпетербургского журнала». Во втором номере журнала неофициальный отдел состоял «...исключительно из Бентама, у которого заимствованы статьи: О распространении познания законов, О пользе просвещения, О свободе книгопечатания...»⁴³³. Но издатели понимали, что ни одна идея не может быть перенесена на чужую почву без её адаптации к местным условиям. Поэтому перед статьёй «О свободе книгопечатания», «...где Бентам защищает почти безусловную свободу печати, издатели поместили такую оговорку: "Мнения писавших о свободе книгопечатания столь были всегда различны, что читателям приятно, конечно, будет увидеть их здесь вместе и сравнить между собою; и в том намерении издатели поместили следующие два извлечения, одно подле другого". Второе извлечение (неизвестно, из какого писателя) оспаривает возможность безусловной

---

⁴³⁰ Цит. по: Там же: 812.

⁴³¹ Цит. по: Там же: 810.

⁴³² Там же: 730-731.

⁴³³ Там же: 813.

свободы печати и примером неудачи [германского императора] Иосифа II утверждает, "сколь важно и необходимо соображать все новые постановления с духом народа и степени просвещения его"⁴³⁴.

В журнале публиковались статьи не только британских (кроме Бентама, ещё и Фрэнсиса Бэкона, Адама Смита, Адама Фергюсона), но и французских, немецких, шведских, американских и других учёных и писателей с изложением мнений по вопросам, волновавшим тогда образованное русское общество. «Это было, очевидно, прямое исполнение той программы, которой, вслед за императором, держались лучшие люди тогдашнего правительства – просвещённое и искреннее желание содействовать общественному образованию и развитию общественного мнения», – пишет Пыпин⁴³⁵.

В 1805–1811 гг. был опубликован трёхтомный русский перевод книги Дюмона «Рассуждение о гражданском и уголовном законоположении», предпринятый по Высочайшему повелению⁴³⁶. Чуть раньше император распорядился перевести «Исследование о природе и причинах богатства народов» (1776 г.) А. Смита и для этого предоставил переводчику Н. Р. Политковскому 5 тыс. руб. из средств своей личной канцелярии (кабинета)⁴³⁷. По словам Пыпина, «...за один 1802 год на издание различных сочинений и переводов из кабинета его величества выдано было до 160,000 рублей»⁴³⁸.

Снижение интереса к идеям Бентама в России (первые два тома перевода книги Дюмона вышли в 1805 и 1806 гг., а третий – лишь в 1811 г.), следует, видимо, приписать осознанию российской политической элитой крайней утопичности и умозрительности его построений. (Впрочем, задержку с выходом в свет третьего тома можно объяснить и финансовыми трудностями, возникшими в России в период войн с Наполеоном 1805–1807 гг.) Однако в романе А. С. Пушкина «Евгений Онегин», над которым он работал с весны 1823 г. до осени 1831 г., есть упоминание о том, что в великосветских салонах Петербурга «...иная дама / Толкует Сея (популяризатор идей Смита, француз Ж. Б. Сэй [Сэ]. – А. О.) и Бентама...», но для интеллектуала Онегина, читавшего самого Смита, это уже «несносный, хоть невинный вздор»⁴³⁹. Мыслящие люди, получившие, благодаря реформам Александра I, доступ к разнообразной литературе, имели возможность и желание рассуждать, сравнивать между собой те учения, которые предлагала им западноевропейская наука, и вырабатывать свой собственный взгляд на её достижения.

---

⁴³⁴ Там же: 813-814.

⁴³⁵ Там же: 814.

⁴³⁶ [Бентам] 1805–1811.

⁴³⁷ [Смит] 1802–1806.

⁴³⁸ Пыпин 1869а: 816.

⁴³⁹ Пушкин 1976: 57 (глава I, строфа VII), 71 (строфа XLII).

Как уже говорились, представителям правящей элиты России импонировала идея Бентама об облегчении положения народа с помощью реформ «сверху», без участия самого народа, причём даже дворянской массы. Но образованную часть русского дворянства, воспитанного в эпоху либеральных экспериментов Александра I, такой патерналистский подход уже явно не устраивал. В этой среде находили себе всё большее число сторонников предложения английского философа о необходимости свободы прессы, через которую общество могло бы доносить свои требования до высшей власти, не ожидая приказа императора.

Список источников и литературы

- [Бентам] 1805–1811** – Рассуждение о гражданском и уголовном законоположении. С предварительным изложением начал законоположения и всеобщего начертания полной Книги Законов, и с присовокуплением опыта о влиянии времени и места относительно Законов. Соч. Английского Юриконсульта Иеремиа Бентама. Изданное в свет на французском языке Степ. Дюмоном, по рукописям от автора ему доставленным. Переведённое Михайлом Михайловым, с прибавлением дополнений от г-на Дюмона сообщённых. По Высочайшему повелению. – СПб., 1805–1811. Т. I–III.
- Бентам 2003** – Бентам И. План всеобщего и вечного мира. 1786–1789 [гг.] // Трактаты о вечном мире / Сост. И. А. Андреева и А. В. Гулыга. [2-е изд.]. – СПб., 2003.
- Бердяев 1990** – Бердяев Н. [А.] Смысл истории. – М., 1990.
- Васильева 2008** – Васильева Н. Ю. «Европейская идея» от Античности до середины XIX в. Учебное пособие. – М., 2008.
- Гердер 2003** – Гердер И. Письма для поощрения гуманности. 1793–1797 // Трактаты о вечном мире / Сост. И. А. Андреева и А. В. Гулыга. [2-е изд.]. – СПб., 2003.
- Кросс 1996** – Кросс Э. Г. У Темзских берегов. Россияне в Британии в XVIII веке. – СПб., 1996.
- Пушкин 1976** – Пушкин А. С. Евгений Онегин. Роман в стихах. – М., 1976.
- Пыпин 1869а** – Пыпин А. Н. Русские отношения Бентама // Вестник Европы. – 1869. – Т. 1. – Кн. 2.

- Пыпин 1869b** – Пыпин А. Н. Русские отношения Бентама // Вестник Европы. – 1869. – Т. 2. – Кн. 4.
- [Смит] 1802–1806** – Исследование свойства и причин богатства народов, соч. Адама Смита; пер. с англ. Никол. Политковского. – СПб., 1802–1806. Ч. I–IV.
- Черчилль 2011** – Черчилль У. Изречения и размышления / Пер. и вступ. А.[Я.] Ливерганта // Иностранная литература. – 2011. – № 3.
- Юм 1996a** – Юм Д. О деньгах // Юм Д. Малые произведения. Эссе. Естественная история религии. Диалоги о естественной религии. – М., 1996.
- Юм 1996b** – Юм Д. О проценте // Юм Д. Малые произведения. Эссе. Естественная история религии. Диалоги о естественной религии. – М., 1996.
- Яценко 1908** – Яценко А.[С.] Международный федерализм. Идея юридической организации человечества в политических учениях до конца XVIII века. – М., 1908.
- Bentham 1834** – Bentham J. Deontology or the Science of Morality. 1st ed. – L., 1834. Vol. 1-2.
- Bentham [1843]** – Plan for an Universal and Perpetual Peace // The Works of Jeremy Bentham, Published under the Superintendence of His Executor, John Bowring. Vol. 2. – Edinburgh, MDCCCXLIII [1843].
- Montefiore 2003** – Montefiore S. S. Prince Potemkin and the Bentham // History Today. – 2003. – Vol. 53 (8).